

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'13, 159.9

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143

Научная статья

ВЫГОТСКИЙ, ИЛЬЕНКОВ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МЫСЛИ И СЛОВА

Журавлев Игнатий Владимирович

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания
РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые положения теории исторического развития психики Л.С. Выготского и обсуждается проблема отношения между мыслью и словом как ключевая проблема психолингвистики. Главный методологический принцип теории Выготского – это принцип монизма. Все высшие психические функции характеризуются социальным происхождением и единой структурой, в которой «определяющим целым» является знак. История психики человека может быть представлена как естественная история знаков. Теория Л.С. Выготского не является «словоцентристской», поскольку именно его разработки позволяют трактовать слово не только как венец развития и единство общения и обобщения, но и как превращенную форму деятельности. Проблема отношения между мыслью и словом – это психолингвистическая проекция психофизической проблемы, методологически корректное решение которой должно опираться на введенное А.Н. Леонтьевым противопоставление образа и процесса. Данное противопоставление является одним из главных постулатов психолингвистики. Знак – это всегда «полупрозрачный» объект, который в одних случаях стремится к полнейшему «испарению» (и тогда на первый план выступает его функциональное бытие), а в других – обретает «плотность» (и тогда его содержание заслоняется его объектными характеристиками). «Вращивание» знака – это и есть испарение его объектных свойств; «внутренний» знак — это знак, выступающий в своем функциональном бытии. Путь «от мысли к слову» – это формирование мысли, «живая драма», жизнь мысли внутри слова.

Ключевые слова: Выготский, Ильенков, психофизическая проблема, мышление и речь, знак, высшие психические функции, образ и процесс

Введение

Современная психолингвистика может быть представлена как совокупность теорий, имеющих принципиально различные методологические основания. Наиболее глубокими являются различия в онтологии, связанные с тем, реализуется ли в психолингвистической теории принцип монизма или, напротив, принцип дуализма. Монистическая онтология наиболее строго выстраивается в линии «Спиноза – Гегель – Маркс – Выготский – Леонтьев», т.е. реализуется в деятельностном подходе к анализу речевых процессов, а дуалистическая – в картезианской традиции, к которой может быть отнесена и лингвистика Н. Хомского, и вся современная когнитивистика.

Отсутствие в психолингвистике единой онтологии оборачивается формированием

принципиально различных подходов к решению главной проблемы психолингвистики – проблемы отношения между мыслью и речью (это психолингвистическая проекция основного вопроса философии). Единственно верный путь решения этой проблемы – это путь, ясно очерченный Л.С. Выготским, который считал ее «центральной проблемой и *via regia* всей исторической психологии» [Записные книжки Л.С. Выготского 2018: 293]. Принципиальные положения культурно-исторической психологии, основанной Л.С. Выготским, легли в основу общепсихологической теории деятельности и, соответственно, теории речевой деятельности (основной теории Московской психолингвистической школы).

Социальное происхождение и знаковое опосредование психических функций

Главный методологический принцип теории Л.С. Выготского – это *принцип монизма*, требующий рассмотрения человеческой психики, сознания не как особой «бестелесной» субстанции, противопоставленной миру физических («протяженных») объектов, а как функции человеческого коллектива. Вместо картезианского абсолютного противопоставления психики и тела (мозга), выражающегося в неразрешимой психофизической проблеме, Выготский ориентируется на диалектическое противопоставление индивида и коллектива. Оставляя психику «один на один» с мозгом, невозможно объяснить ни мозг, ни психику (но именно этим и занимается большинство представителей так называемой «philosophy of mind»). Развитие высших психических функций у ребенка никак нельзя объяснить созреванием его мозга, реализацией биологически (генетически) заложенных в мозге «задатков». Равным образом это развитие невозможно объяснить и реализацией («актуализацией») душевных «способностей» или «качеств», якобы в зачаточной форме присутствующих в психике с самого начала, с момента появления ребенка на свет. Путь объяснения, найденный Выготским, – это анализ системы социальных отношений и деятельности коллектива, позволяющий раскрыть как единое происхождение всех высших психических функций (в фило- и онтогенезе), так и единое их строение.

Любая высшая психическая функция, говорит Л.С. Выготский, в ходе развития выступает на сцену дважды: сначала – как отношение *между людьми* (интерпсихическое), а потом – как отношение *внутри психики* (интрапсихическое). Система интрапсихических отношений формируется в ходе *интериоризации* системы интерпсихических отношений. Это можно пояснить на примере формирования понятий, т.е. развития функции обобщения. Обобщение – это не только подведение предмета или явления под какую-то общую категорию, но и узнавание предмета в качестве «того же самого» в любой новой ситуации взаимодействия с ним. Любой стол, который мы прежде не видели, благодаря обобщению мы воспринимаем именно как стол. Но и письменный стол, стоящий у нас в кабинете, мы можем иногда использовать как обеденный опять-таки благодаря обобщению. Однако понятием стола мы обладаем исключительно потому, что смотрим на стол «глазами» коллектива. Первоначально обобщение – это разделение предмета между людьми в совместной деятельности, это коллективный взгляд на предмет (интерпсихическое отношение), и лишь затем, в результате интериоризации, обобщение становится способностью человека разделить предмет с самим собой, увидеть его в контексте собственной деятельности, отнести его к той или иной категории в свой голове (интрапсихическое отношение). Другой

пример – формирование воли: изначально один человек управляет другим, и только впоследствии человек начинает управлять собой сам. Только так и развиваются все высшие психические функции: сначала ребенок учится чему-то во взаимодействии со взрослым, а затем делает это самостоятельно. Функции или операции, которые ребенок пока еще выполняет с помощью взрослого, находятся, по Л.С. Выготскому, в *зоне ближайшего развития*. Когда ребенок обучается выполнять их сам, они переходят в *зону актуального развития*.

Единое социальное происхождение высших психических функций необходимо оборачивается единством их *строения*. Недостаточно сказать, что интерпсихические отношения «становятся» интрапсихическими. Надо указать *средство*, при помощи которого форма отношения между людьми становится формой интрапсихического отношения. В этом средстве должны соединяться *общение* и *обобщение*: с одной стороны, оно должно служить воздействию одного человека на другого, но с другой стороны, оно должно быть средством, при помощи которого человек станет самим собой, обретет способность посмотреть на себя со стороны и управлять собственным поведением. Наконец, это средство само должно быть объектом эволюции, развития, оно должно быть частью «неорганического тела человека», т.е. системы объектов, в которых воплощаются и фиксируются формы человеческой деятельности: *раз высшие формы поведения становятся возможными благодаря культурному, а не биологическому развитию человека, то и в строении этих форм поведения «определяющим целым» должны быть единицы, имеющие не природное, а культурное происхождение*. Таким критериям отвечает только знак (в первую очередь – слово естественного языка): согласно Выготскому, все высшие формы поведения, все высшие психические функции опосредуются знаками.

Идеи, на которые опирался Л.С. Выготский, достаточно просты, их высказывали и его предшественники, и его современники. Иное дело идеи, которые он формулировал сам. О социальном происхождении психики говорили, конечно, и другие исследователи. В психологии народов (этнической психологии), социологии, антропологии формулировались положения о различии между социальным и индивидуальным, влиянии коллективного на индивидуальное, детерминации развития психики человека социальными факторами. В. Вундт предлагал исследовать высшие психические процессы методами *психологии народов*, т.е. путем анализа языка, мифов и обычаев. Г.Г. Шпет, разрабатывая проект этнической психологии, говорил о реальности коллектива как субъекта совокупного действия. Представители английской антропологической школы (Э. Тайлор, Дж. Фрэнсер) видели отличие психики цивилизованного от психики дикаря в различиях между культурами, в разнице между запасом знаний. Французские исследователи (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль) разрабатывали концепцию коллективных представлений. Идея о том, что высшие формы поведения включают опосредующие звенья (например, использование орудий), также была не нова. Многим исследователям было ясно, что бихевиористская и рефлексологическая формула «стимул – реакция» не обладает объяснительным потенциалом, достаточным для исследования высших психических процессов: в нее требовалось включить «среднее звено». Э. Кассирер в качестве такого звена рассматривал *символическую систему*. «Человек сумел открыть новый способ адаптации к окружающей среде. У него между системой рецепторов и эффекторов есть еще третье звено, которое можно назвать символической системой.

<...> Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» [Кассирер 1998: 470–471]. Несколько позже пионеры когнитивной революции в качестве среднего звена предложили рассматривать когнитивную карту (Э. Толмен), систему глубинных убеждений (А. Бек) и т.п.

Однако подход Выготского состоял не просто в том, чтобы добавить в известную формулу недостающее среднее звено. Принципиально это еще ничего не решало бы, и дуализм схемы «стимул – реакция» не был бы таким образом преодолен. Точно так же, недостаточно было просто связать развитие психики человека с системой социальных отношений: ведь эта система может трактоваться как такая же внешняя по отношению к человеку (индивиду) среда, каковой является среда биологическая. И снова, тут не произошло бы преодоление дуалистической схемы «внешнее – внутреннее». Выготский, выстраивая *монистическую* психологию (как последователь Спинозы, Гегеля и Маркса), элегантно ударом разрушает обе дуалистические схемы. Его аргументация изящна и точна. Он не только показывает, как «устроены» высшие психические функции, но и обосновывает их строение их происхождением. Во-первых, в структуре высшей функции примитивная связь между стимулом и реакцией не просто устраняется или, наоборот, усложняется введением опосредующего звена: высшая структура вбирает в себя низшую, сохраняя («снимая») ее и в то же время подчиняя ее себе. Во-вторых, *происхождение* высших психических функций рассматривается как их *природа*, а это значит, что социальность, система социальных отношений не противопоставляется индивиду как внешняя среда, из которой он что-то «усваивает» в ходе развития, а трактуется как суть, как существо его психики. Мы носим систему социальных отношений внутри себя. Нет дуалистического противопоставления индивидуального и социального, есть понимание индивидуального *как* социального. Нет двух разных идей: социального происхождения психики и знакового опосредования психических функций. Есть одна идея, одна теория, один объяснительный принцип.

Знак как «определяющее целое»

Мы сказали, что только знак может быть средством, формирующим систему интрапсихических отношений. Однако поведение человека опосредуется не только знаками, но и орудиями. Почему тогда мы говорим именно о знаке? Почему употребление палки обезьяной не свидетельствует о наличии у нее высших форм психики, характерных для человека? Ответ Выготского гениален и прост. Знак, говорит он, не изменяет ничего в объекте, во внешнем для человека мире. Как ты вещь ни называй, ее физические свойства от этого не изменятся. Иное дело орудие: оно тем и отличается от знака, что направлено на внешний мир, призвано изменять что-то во внешнем мире. Знак же изменяет мир внутренний, он направлен не на внешнюю реальность, а на реальность внутреннюю, пусть даже изначально это внутренняя реальность другого человека.

Сначала человек воздействует при помощи знака на другого, а потом на самого себя. Сначала он выступает как объект такого воздействия, а потом применяет это воздействие к самому себе, становясь и его субъектом, и его объектом. И только так

психические функции человека становятся произвольными, только так формируется самосознание – способность человека посмотреть на себя со стороны. Как пишет Л.С. Выготский, про животного можно сказать, что его «потянуло» к чему-то, а про палку нельзя сказать, что она «взялась» лапой обезьяны. Применение орудия – это важный шаг к произвольности функций. Но орудием мы не воздействуем на самих себя, на свой внутренний мир. Чтобы функция стала произвольной, нужно сделать самого себя объектом собственного воздействия. Единственным средством, позволяющим это сделать, является знак. Эта функция знака исчезает лишь вместе с наступлением безумия [Выготский 2000: 619].

Развитие психики поэтому может быть представлено в виде естественной истории знаков: «Новые структуры, которые мы противопоставляем низшим, или примитивным, отличаются прежде всего тем, что непосредственная слитность стимулов и реакций в едином комплексе оказывается нарушенной. ...Между стимулом, на который направлено поведение, и реакцией человека выдвигается новый промежуточный член, и вся операция принимает характер опосредованного акта. ... *в высшей структуре функциональным определяющим целым или фокусом всего процесса является знак и способ его употребления*» [Выготский 2000: 595–596]. Еще раз подчеркнем, что этот принцип применим по отношению к абсолютно любой высшей психической функции, будь то память или мышление, воображение или воля, восприятие или внимание. И если исследователь, интроспективно рассматривая функции, которые уже прошли свое развитие (и в своей «окаменелой форме» выглядят примерно так же, как и примитивные реакции), не обнаруживает в них роли знаков, то это никак не может свидетельствовать о том, что знакового опосредования там нет. Природа и суть функции – это история ее развития. Знаками (и в первую очередь – знаками естественного языка) «прошито» в психике всё. Это, конечно, не означает, что нет произвольных, несознательных, неоречевленных процессов. Они всегда есть, но ими не только не исчерпывается, но и никак не объясняется психология человека.

Во избежание недоразумений отметим, что мы можем словами действовать на предметы, а орудиями – на самих себя. Однако слово (знак) в этом случае выступает как орудие, а орудие – как знак. Оговоримся также, что знаки могут быть не только словесными. Например, при экспериментальном изучении функции опосредованного запоминания используются пиктограммы. Однако при переходе от внешнего опосредования к внутреннему, при формировании внутренней структуры функции памяти неизбежно возрастает опора именно на слова: теперь уже слово как универсальный знак оказывается средством, позволяющим вспомнить картинку (актуализировать образ), а не наоборот, не картинка позволяет вспомнить слово. Слово «шкаф» гораздо легче «перенести» из комнаты в комнату, чем хотя бы на дюйм сдвинуть с места реальный шкаф или хотя бы на пару секунд удержать в голове представление шкафа. Потому-то Выготский и говорит, что слово – это не источник, а венец развития, что «вначале было дело, а в конце – слово». Отсюда и неоправданные обвинения Выготского в «словоцентризме» (почему они не оправданны – станет ясно из наших дальнейших рассуждений).

Аргументы против «словоцентризма»

Принципиальные возражения против позиции словоцентризма высказывал Э.В. Ильенков. Суть их заключается в следующем. Мышление в своей изначальной

форме – это деятельность в предмете и с предметом, а не в слове и со словом; это движение тела по форме другого тела. Схема (образ, форма) такого движения возникает раньше слова; мышление в этом широком смысле свойственно не только человеку, но и животному. Человеческий ребенок, однако, отличается от животного тем, что он окружен предметами человеческой культуры, так что, обучаясь движению по форме предметов, он усваивает логику опредмеченного в них общественно-человеческого мышления [Ильенков 2021: 244–245]. Поэтому уже сенсомоторные схемы ребенка, обеспечивающие ему возможность овладения языком, отличаются от сенсомоторных схем животного.

Слово возникает лишь как посредник человеческого мышления, как внешняя форма, за которой скрывается процесс реальной жизнедеятельности общественного человека [Ильенков 2020: 132]. Как показал знаменитый загорский эксперимент, прежде чем приступить к обучению ребенка языку, нужно научить его вести себя по-человечески в сфере человеческого быта. «Поэтому логику мышления можно понять до, вне и независимо от исследования логики языка, но в обратном порядке нельзя понять ни язык, ни мышление» [Ильенков 2021: 246].

Здесь необходимо уточнение. Домашняя кошка с момента появления на свет может быть окружена исключительно человеческими предметами, однако ее сенсомоторные схемы остаются сенсомоторными схемами животного. Необходимо различать движение по внешней форме предмета (фиксируемое в сенсомоторной схеме) и движение по внутренней его форме, т.е. *действие* с предметом, представляющее собой актуализацию предметного значения. Обезьяна, чешущая молотком спину, не видит предмет там, где он есть, а человек, использующий в качестве молотка ножку от табуретки, видит предмет даже там, где его нет. В этом и состоит принципиальная разница между сенсомоторными схемами и предметными значениями – разница, очень хорошо демонстрируемая и примерами из области патологии (различие между агнозией формы и предметной агнозией). Вести себя по-человечески – значит овладеть системой предметных значений, которая надстраивается над системой сенсомоторных схем и подчиняет ее себе. Однако система предметных значений отчасти подчинена системе вербальных значений как более высокому уровню сознания [Журавлев 2019]. Более того: чтобы возникло предметное значение (форма действия с предметом сообразно его предназначению), должен возникнуть знак – квазиобъект, который можно «носить с собой» даже тогда, когда деятельность с предметом закончилась, и который будет выступать как представитель предмета тогда, когда его нет перед глазами. *Форма деятельности должна продолжить свое существование в чем-то кроме самого предмета* – иначе предмет не станет тождественным, константным, не станет предметом культуры, и его предназначение придется каждый раз заново «вытаскивать» из его физических свойств (что вообще не всегда возможно). Язык как универсальная система знаков – и есть «то необходимое условие, единственно посредством которого предмет может получить свое существование в голове человека» [Леонтьев А.Н. 2001: 94].

Вернемся теперь к Ильенкову. Слово – не единственная форма объективации мысли: «...о действительном мышлении человека гораздо вернее судить по его поступкам, нежели по его речам о них, по тому, что он делает, нежели по тому, что он говорит» [Ильенков 2020: 126]. Слово действительно не порождает мысль, слова бывают пустыми, и изучать слова для того, чтобы изучить мышление, – значит впадать

в «словесный фетишизм». Что верно, то верно. Однако эта критика Ильенкова была направлена против западных направлений философии (герменевтика, неопозитивизм, логический анализ языка), но никак не против школы Выготского—Леонтьева. Более того: именно Ильенков как никто другой знал цену Слову. Формы (образы) человеческой деятельности объективируются не только в словах, но «и в скульптурном, и в графическом, и в живописном, и в пластическом изображении, и в виде привычно-ритуального способа (“образа”) обращения с вещами и людьми» [Ильенков 2021: 47–48]. Однако «все то, что я не могу выразить в форме речи, высказать в форме, понятной другому, я и сам не осознаю в качестве общественного индивида, в качестве человека» [Ильенков 2019: 51]. Важно только не фетишизировать слово, а понимать, что за ним стоит.

Вектор развития психологии, заданный Л.С. Выготским, позволил А.Н. Леонтьеву рассматривать *деятельность* как предмет психологии. У Ильенкова психика, мышление – это и есть движение «мыслящего тела» по форме другого тела. Мышление не отдельно от деятельности тела (человеческого, т.е. органического и неорганического, индивидуального и коллективного), оно *и есть* эта деятельность. У Леонтьева предмет психологии – это «деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредствованная отображением этой действительности» [Леонтьев А.Н. 1994: 163]. И поскольку Л.С. Выготский источник развития видит в деле, а венец – в слове, его позиция оказывается полностью иммунизированной от обвинений в словоцентризме. *Слово играет в развитии психики центральную роль только потому, что в слове воплощена деятельность*. Слово (знак, квазиобъект) – это и есть кристаллизованная деятельность общественного человека по отношению к одному объекту, закрепленная (воплощенная) в другом объекте. Сознательный (т.е. означающий!) взгляд на вещь – это взгляд на нее глазами других людей, взгляд глазами коллектива, позволяющий увидеть в вещи форму возможной деятельности с ней. Сознательный взгляд на себя – это также взгляд глазами коллектива, позволяющий человеку увидеть себя участником коллективной деятельности. Сознательный взгляд по природе своей всегда опосредован знаком, и прежде всего – словом как универсальным знаком. «Словоцентризма» здесь ровно столько, сколько «делоцентризма».

Противопоставление образа и процесса

Теперь мы подходим к проблеме отношения между мыслью и словом, которую следует трактовать как психологическую (и психолингвистическую) конкретизацию психофизической проблемы. Может показаться, что и Л.С. Выготский, предлагавший «семиотическое» решение психофизической проблемы, и А.Н. Леонтьев, который предлагал «деятельностное» ее решение, остаются на позициях скрытого дуализма. Как подметил А. Сурмава, «никакие знаки не способны заткнуть пропасть между двумя картезианскими субстанциями» [Сурмава 2009: 115]. Если знак только опосредует отношение между стимулом и реакцией, то само это отношение никуда не исчезает. Аналогичным образом, если между субъектом и объектом «встроить» деятельность, то дуалистическое отношение «субъект – объект» при этом также сохранится [Вересов 2000]. В первом случае знак расщепляется на «внешний» и «внутренний», во втором случае внешней и внутренней становится деятельность. Но стоит ли именно так понимать позиции Выготского и Леонтьева?

Позиция А.Н. Леонтьева лучше всего выражается в его словах о том, что «действительной противоположностью» является не противоположность сознания и внешнего мира, а противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего [Леонтьев А.Н. 2003: 354]. Процесс (деятельность) может включать как внешние, так и внутренние звенья; важно, что это именно процесс, противопоставляемый образу (форме). Это противопоставление является диалектическим: образ и процесс могут переходить друг в друга и бывают тождественными. Процесс порождает образ и в то же время опосредуется им; образ служит *формой* процесса, выступает в качестве *правила*, которому подчиняется процесс. Например, в ходе распознавания предмета, осязаемого рукой, движения руки подчиняются форме (образу) предмета. Таков фундаментальный закон восприятия, сформулированный А.Н. Леонтьевым: процессы в рецепирующей системе уподобляются свойствам воспринимаемого предмета в ходе его активного «опробования» [Леонтьев А.Н. 1965: 178].

Соответственно, образ не может существовать независимо от активности субъекта (внешней или внутренней): образ есть только тогда, когда есть соответствующий процесс; процесс наполняет образ *жизнью*. Именно как отношение между процессом и образом следует рассматривать отношение между *образующими сознания* – феноменальной (чувственной/биодинамической) тканью, с одной стороны, и значением, с другой. В общепсихологической теории деятельности образующие сознания мыслятся не как независимые сущности, соединяющиеся по закону ассоциации, а как *моменты*, конституирующие сознание в его становлении: значение – это форма (образ) деятельности, порождаемая в деятельности и руководящая ей, а феноменальная ткань – внутренняя или внешняя активность субъекта (процесс), подчиненная значению.

Однако утверждение о том, что образ не может существовать независимо от процесса, не следует понимать упрощенно. Будучи формой общественной деятельности, формой деятельности общественного человека с предметным миром, образ оказывается как раз независимым от сознания и деятельности каждого человека в отдельности. Понятие образа невозможно раскрыть, не обращаясь к соотношению индивидуального и общественного и к категории идеального. Идеальное «обладает наличным бытием только как овеществленная и овеществляемая форма предмета, осязаемой телесной вещи вне сознания»; идеальное – это «деятельность в форме вещи» или, наоборот, «вещь под формой деятельности» [Ильенков 2021: 61–62]. Форму деятельности в этом случае никак нельзя трактовать как образ индивидуального сознания. Напротив, все идеальные явления (предметы и символы человеческой культуры) противостоят индивидуальному сознанию как обладающие объективной реальностью предметы и процессы, в которых запечатлены формы общественной деятельности. Идеальное существует только в человеческой деятельности, но «человек при этом понимается не как отдельный индивид с его мозгом, а как реальная совокупность реальных людей, совместно осуществляющих свою специфически человеческую жизнедеятельность» [Ильенков 2021: 84].

Если противопоставление образа и процесса вводится как попытка решения (или снятия) психофизической проблемы, то, очевидно, именно во взаимопереходах образа и процесса следует искать механизм опосредования мысли словом. Принципиально важно, что путь «от мысли к слову» – это не движение из пункта А в пункт Б, из «комнаты» мыслей в «комнату» слов. Это не оречевление изначально бессловесной

мысли (вообще неясно, как можно «оречевить» бессловесную мысль), это именно *формирование* мысли, «живая драма», *жизнь* мысли *внутри* слова. В психике (вопреки мнению сторонников теории модулярности) нет отдельных комнат для мыслей и слов. Есть процесс и форма (образ) этого процесса. Противопоставление образа и процесса А.А. Леонтьев рассматривал как один из главных постулатов психолингвистики [Леонтьев А.А. 1997: 68].

Судьба «внутренних» знаков

Вводя противопоставление образа и процесса, А.Н. Леонтьев тем самым преодолевал рассечение деятельности на «внешнюю» и «внутреннюю». Вернемся теперь на полшага назад и посмотрим, можно ли преодолеть противопоставление «внешнего» и «внутреннего» в теории Л.С. Выготского. Как обстоит дело со знаками, которые, как кажется, в ходе интериоризации становятся «внутренними»? Что такое «внутренний» знак?

Вопреки наивным толкованиям, знак у Выготского не вклинивается между стимулом и реакцией, как и у Леонтьева деятельность не вклинивается между субъектом и объектом в качестве среднего звена. Дело обстоит совершенно иначе. Здесь нам необходимо отметить ключевую характеристику процесса опосредования и истории этого процесса. Любое средство, перестроившее примитивную связь между стимулом и реакцией, парадоксальным образом стремится к исчезновению, с одной стороны, и к наибольшему воплощению собственного бытия – с другой. По Л.С. Выготскому, судьба знаков-посредников в структуре высшей психической функции может быть различной. В одних случаях это «вращивание по типу шва», когда опосредованная связь между стимулом и реакцией становится непосредственной, а посредник – «шов» – отмирает, становится ненужным. В других случаях операция переходит вовнутрь с сохранением всех своих звеньев («вращивание целиком»). Наконец, третьим и самым важным вариантом является «вращивание структуры» – перевод вовнутрь не конкретных звеньев операции, а совокупности правил ее выполнения.

Однако описываемое Л.С. Выготским «вращивание» знаков нельзя трактовать как перевод внешнего средства вовнутрь, физического – в психическое (так дуализм не преодолевается, а, напротив, устанавливается). *Интериоризация – это формирование структуры психических операций за счет опосредования их формами коллективной деятельности.* Знак как носитель такой формы – это, как я говорю, *объект особой плотности*, он всегда столь же «внешний», сколь и «внутренний»; это «полупрозрачный» объект, который в одних случаях стремится к полнейшему «испарению» (и тогда его не позволяет нам увидеть даже самая изошренная интроспекция), а в других – неожиданно обретает свою «плотность», обращает наше внимание на свои объектные характеристики (и в этих случаях его функциональное бытие отходит для нас на задний план). Только такие «полупрозрачные» объекты обладают для нас наибольшим семиотическим потенциалом. Судьба знаков, опосредующих психические функции, судьба слова, опосредующего мысль, – это стремление к такой «полупрозрачности».

Испарение знака – это испарение его объектных свойств, которое можно проследить как в ходе развития психики, так и в актуальной психической деятельности. В ходе развития психики ребенка его эгоцентрическая речь дает начало его внутренней речи, и понятно, что в целом у «внутреннего» слова остается меньше объектных

характеристик, чем у «внешнего». Однако в некоторых ситуациях эгоцентрическая речь появляется и у взрослого, так что описываемое испарение знака в ходе развития – это всегда отчасти обратимый процесс. (Обратимым лишь отчасти он является потому, что структура внутренних операций, сформированная в ходе интериоризации, в норме остается сохранной даже при экстериоризации тех или иных звеньев этих операций). В актуальном функционировании знака также можно наблюдать процесс испарения: речь «испаряется в мысль», знак стремится к наибольшей прозрачности, к исчезновению, чтобы не заслонять собственное содержание.

«Внутренний» знак – это и есть знак с минимальными объективными характеристиками. Это не объект, мистическим образом перенесенный из протяженной субстанции в мыслящую. Это функция, это процесс в одном объекте, подчиненный форме другого объекта. «Внутреннее» – это функциональное бытие знака, и искать его следует не в бестелесной субстанции, не в «нематериальной мысли», а в движении «мыслящего тела» по форме предметов, или, как говорил Э.В. Ильенков, во встречном движении формы вещи и формы деятельности. К такому пониманию отношения между мыслью и словом, надо полагать, и шел Л.С. Выготский. Процесс воплощения мысли в речи – это «*постоянно* совершающийся переход внешнего во внутреннее и внутреннего во внешнее, действительное, а не мнимое единство и борьба противоположностей» [Записные книжки Л.С. Выготского 2018: 293].

Отметим также, что ни один объект не присутствует в опыте человека изначально. Ни первобытный человек, ни ребенок не имеет поначалу дела с перманентными (тождественными) объектами. Соответственно, и знак не возникает как тождественный объект. Он постепенно обретает объектные характеристики, а потом постепенно их утрачивает. Это удивительный объект, который есть тогда, когда его нет. Возникая в ходе развития «в конце», в актуальном функционировании психики он передвигается «к началу», только так и становясь «определяющим целым», задающим структуру психических операций. Это не просто венец развития, это превращенная форма деятельности, главная функция которой – управлять деятельностью, направлять и опосредовать ее.

Заключение

Проблема отношения между мыслью и словом – это ключевая проблема психолингвистики, являющаяся психолингвистической проекцией основного вопроса философии. Эту проблему невозможно решить, оставляя психику «один на один» с мозгом (телом). Но именно этот (тупиковый) путь выбирают многие современные исследователи, работающие в области философии сознания, когнитивных наук, психологии и психолингвистики. Этому способствует и сама формулировка психофизической проблемы как «the body-mind problem», исключая или существенно затрудняющая возможность увидеть психику и сознание как надындивидуальные феномены.

Л.С. Выготский убедительно продемонстрировал единство всех высших психических функций по строению и происхождению. Только знак может быть «центральной клеточкой» и «определяющим целым» в структуре высшей психической функции. Именно поэтому история психики человека – это история знаков. Теория Л.С. Выготского не является «словоцентристской», ибо именно его разработки позволяют трактовать слово не только как венец развития и единство общения и обобщения, но

и как превращенную форму деятельности.

Решение психофизической проблемы (и, соответственно, проблемы отношения между мыслью и словом) становится возможным только в том случае, если отношение между мыслью и словом понимать как отношение между процессом и образом. (Неслучайно А.А. Леонтьев рассматривал противопоставление образа и процесса как один из главных постулатов психолингвистики).

Знак – это всегда «полупрозрачный» объект, который в одних случаях стремится к полнейшему «испарению» (и тогда на первый план выступает его функциональное бытие), а в других – обретает «плотность» (и тогда его содержание заслоняется его объектными характеристиками). «Вращивание» знака – это и есть испарение его объектных свойств; знаки не «переносятся вовнутрь», а, лишаясь объектных свойств, выступают в своем функциональном бытии. Путь «от мысли к слову» – это не оречевление изначально бессловесной мысли, не «ассоциация» между «готовой» мыслью и «готовым» словом, а *формирование* мысли, «живая драма», *жизнь* мысли *внутри* слова.

© Журавлев И.В., 2021

Литература

Вересов Н. Выготский, Ильенков, Мамардашвили. Опыты теоретической рефлексии и монизм в психологии // Вопросы философии. 2000. №12. С. 74–88.

Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.

Журавлев И.В. Психология и психопатология восприятия: Прологомены к теории «зонда». Изд. 2-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2019. 160 с.

Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. 608 с.

Ильенков Э.В. Абстрактное и конкретное: собр. соч. Т. 1. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 464 с.

Ильенков Э.В. Диалектика идеального: собр. соч. Т. 5. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. 448 с.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика: собр. соч. Т. 4. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 464 с.

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 784 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Издательство «Мысль», 1965. 574 с.

Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003. 439 с.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. М.: Издательство Московского университета, 1994. 288 с.

Сурмава А. Ильенков и революция в психологии // Логос. 2009. № 1. С. 112–132.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29.05.2021

Дата принятия к печати: 19.06.2021

Сведения об авторе:

Журавлев Игнатий Владимирович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Отдела психолингвистики, ФГБУН Институт языкознания РАН.

Контактная информация:

125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6392-9544>

e-mail: zhuravlev@iling-ran.ru

Для цитирования:

Журавлев И.В. Выготский, Ильенков и проблема соотношения мысли и слова // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 130–143, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143

UDC 81.13, 159.9

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143

Research article

**VYGOTSKY, ILYENKOV, AND THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN
THOUGHT AND WORD**

Ignatiy V. Zhuravlev

Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the key provisions of Vygotskian theory of historical development of mind and discusses the problem of the relationship between thought and word as a key problem of psycholinguistics. The main methodological principle of Vygotskian theory is the principle of monism. All higher mental functions are characterized by social origin and unified structure, in which the “defining whole” is the sign. The history of human mind can be represented as the natural history of signs. Vygotskian theory is not “word-centered”, since it is his developments that allow us to interpret the word not only as the crown of the development and the unity of communication and generalization, but also as a transformed form of activity. The problem of the relationship between thought and word is a psycholinguistic projection of the body-mind problem, the methodologically correct solution of which should be based on the “image – process” opposition introduced by A.N. Leontiev. This opposition is one of the main postulates of psycholinguistics. A sign is always a “semitransparent” object, which in some cases tends to complete “evaporation” (and then its functional being comes to the fore), and in others – acquires “density” (and then its content is obscured by its object characteristics). The interiorization of a sign is the evaporation of its object properties; the “inner” sign is a sign that appears in its functional being. The path “from thought to word” is the formation of thought, the “living drama”, the life of thought within the word.

Keywords: Vygotsky, Ilyenkov, psychophysical problem, thinking and speech, sign, higher mental functions, image and process

References

- Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected works. Essays on human being]. Moscow, Gardarika publ. 784 p. (in Russian).
- Il'nikov, E'.V. (2019) *Abstraktnoe i konkretное: sobr. soch. T. 1.* [Abstract and concrete: collected works, vol. 1]. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitaciya» publ. 464 p. (in Russian).
- Il'nikov, E'.V. (2020) *Dialekticheskaya logika: sobr. soch. T. 4.* [Dialectical logic: collected works, vol. 4]. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitaciya» publ. 464 p. (in Russian).
- Il'nikov, E'.V. (2021) *Dialektika ideal'nogo: sobr. soch. T. 5.* [Dialectics of the ideal: collected works, vol. 5]. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitaciya» publ. 448 p. (in Russian).
- Leont'ev, A.A. (1997) *Osnovy` psixolingvistiki* [Foundations of psycholinguistics]. Moscow, Smy'sl publ. 287 p. (in Russian).
- Leont'ev, A.N. (1965) *Problemy` razvitiya psixiki* [Problems of the development of mind]. Moscow, "My'sl" publ. 574 p. (in Russian).
- Leont'ev, A.N. (1994) *Filosofiya psixologii: iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of psychology: from the scientific heritage]. Moscow, "Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta" publ. 288 p. (in Russian).
- Leont'ev, A.N. (2001) *Lekcii po obshhej psixologii* [Lectures on general psychology]. Moscow, Smy'sl publ. 511 p. (in Russian).
- Leont'ev, A.N. (2003) *Stanovlenie psixologii deyatelnosti: Rannie raboty`* [The origin of the psychology of activity: early works]. Moscow, Smy'sl publ. 439 p. (in Russian).
- Surmava, A. (2009) *Il'nikov i revolyuciya v psixologii* [Ilyenkov and the revolution in psychology], Logos (1), pp. 112–132. (in Russian).
- Veresov, N. (2000) *Vy'gotskij, Il'nikov, Mamardashvili. Opyty` teoreticheskoy refleksii i monizm v psixologii* [Vygotsky, Ilyenkov, Mamardashvili. Essays on theoretical reflection and monism in psychology], Voprosy` filosofii (12), 74–88. (in Russian).
- Vy'gotskij, L.S. (2000) *Psixologiya* [Psychology]. Moscow, EKSMO-Press publ. 1008 p. (in Russian).
- Zavershneva, E., van der Veer, R. (ed.) (2018) *Zapisnye knizhki L.S. Vy'gotskogo. Izbrannoe* [Vygotsky's selected notebooks]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya» publ. 608 p. (in Russian).
- Zhuravlev, I.V. (2019) *Psixologiya i psixopatologiya vospriyatiya: Prolegomeny` k teorii «zonda»* [Psychology and psychopathology of perception: Prolegomena to the "probe" theory]. Moscow, LENAND publ. 160 p. (in Russian).

© Zhuravlev I.V., 2021

Article history:

Received: 29.05.2021

Accepted: 19.06.2021

Bionotes:

Ignatij V. Zhuravlev – Ph.D. in Psychology, Senior Researcher, Sector of Psycholinguistics, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

Contact information:

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6392-9544>

e-mail: zhuravlev@iling-ran.ru

For citation:

Zhuravlev, I.V. (2021) Vygotsky, Ilyenkov and the Problem of Correlation Between Thought and Word. *Journal of Psycholinguistics*. 2(48), pp. 130–143. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143 (in Russian).